

Федотова Наталья Фагимовна

А. С. ПУШКИН: У ИСТОКОВ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ КУЛЬТУРЫ

В статье автор предлагает посмотреть на русскую литературу XIX века как на один из источников примитивизма, нашедшего свое разнообразное отражение в культурном сознании Серебряного века. Основание для такого взгляда автор находит, анализируя интерпретацию поэтов и мыслителей рубежа XIX-XX вв. наследия А. С. Пушкина и его роль в распространении антикультурных настроений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 206-208. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье автор предлагает посмотреть на русскую литературу XIX века как на один из источников примитивизма, нашедшего свое разнообразное отражение в культурном сознании Серебряного века. Основание для такого взгляда автор находит, анализируя интерпретацию поэтов и мыслителей рубежа XIX-XX вв. наследия А. С. Пушкина и его роль в распространении антикультурных настроений.

Ключевые слова и фразы: искусство рубежа XIX-XX вв.; переоценка русской литературы XIX в.; примитивизм; генетика примитивизма; трансформация художественного сознания.

Наталья Фагимовна Федотова, к. филол. н.

Кафедра филологии и теории коммуникаций

Казанский (Приволжский) федеральный университет (филиал) в г. Набережные Челны

fnf1@yandex.ru

А. С. ПУШКИН: У ИСТОКОВ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ КУЛЬТУРЫ©

Несмотря на устоявшееся представление о том, что художественный авангард, сбрасывая «с парохода современности» опыт XIX века, обращался к более дальним эпохам, нужно все же признать большую роль литературы указанного столетия в формировании новой эстетики и нового искусства в целом. Тем более если учитывать такой факт, как литературоцентричность культуры XIX-XX вв.

Поиск истоков примитивизма, затронувшего в начале XX века различные художественные течения, показывает, что классическая литература, как это ни парадоксально звучит, подготовила почву (берег) для желающих «кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах», и остаться «нагим, как первый человек, нагим, лёгким и радостным» [4, с. 114]. Попытки отбросить «одежду культуры» в 1910-х гг. демонстрировали футуристы-поэты и родственные им по духу представители живописного авангарда, но всё же нужно признать, что они шли по проторённой дороге.

Вот уже скоро двести лет как русская культура сверяет себя по А. С. Пушкину. Не был исключением и Серебряный век. Мало того, в некотором смысле отношение к Пушкину в это время предстаёт как своеобразный индикатор изменений в культурном сознании. Работы о поэте таких авторов, как Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, А. Белый, М. О. Гершензон, помогают увидеть, как изменилась после прививки ницшеановского дионизизма система координат, с которой представители русской интеллигенции стали подходить к произведениям классиков.

В 1896 г. выходит статья Д. С. Мережковского «Пушкин», в которой представлена редкая до того времени попытка рассмотреть творчество поэта как мыслителя, философа. В своей работе Мережковский характеризует не только Пушкина, но и ряд других писателей, внёсших вклад в развитие мотива русской литературы, имеющего, на наш взгляд, непосредственное отношение к распространению сочувствия к примитивному.

Никто ранее, говорит Мережковский, не заметил в творчестве Пушкина одной характерной особенности, которая впоследствии отразилась на всей русской литературе: «Пушкин первый из мировых поэтов с такою силою и страстностью выразил вечную противоположность культурного и первобытного человека» [5, с. 109]. Эта антитеза оказалась важна и для творчества Баратынского, Лермонтова и Тютчева, также сомневавшихся в благах культуры.

Мережковский прослеживает развитие указанного мотива на протяжении всего XIX века. «Поэзию первобытного мира, которую русские лирики выражали малодоступным, таинственным языком, — русские прозаики превратили в боевое знамя, в поучение для толпы, в благовестие. Достоевский противопоставляет культуре “гнилого Запада” вселенское призвание русского народа, великого в своей простоте. Вся проповедь Достоевского не что иное, как развитие мистических настроений Гоголя, как призыв прочь от культуры, основанной на выводах безбожной науки, — призыв к отречению от гордости разума, к смирению, к “безумию во Христе”. Наконец, сомнения в благах западной культуры — неясный шёпот сибиллы у Баратынского — Лев Толстой превратил в громовый воинственный клич; любовь к природе Лермонтова, его песни о безучастной красоте моря и неба — в “четыре упряжки”, в полевую работу; христианство Достоевского и Гоголя <...> — в страшный циклопический молот, направленный против главных устоев современного общества. Но всего замечательнее, что это русское возвращение к природе — русский бунт против культуры, первый выразил Пушкин, величайший гений культуры среди наших писателей» [Там же, с. 109-110]. Такой парадоксальный вывод Мережковский обосновывает тем, что Пушкин стал поэтом народа, «только что проснувшегося от варварства», а «для возникновения великого искусства необходима некоторая свежесть и первобытность впечатлений, молодость, даже детскость народного гения» [Там же, с. 101].

Впервые же, говорит Мережковский, противостояние культурного и первобытного человека Пушкин показал в «Кавказском пленнике». Его пленник стал первообразом Алеко, Евгения Онегина, Печорина и других русских представителей мировой скорби, которые собою являют «болезнь культуры». В отличие от Ж.-Ж. Руссо, идеализировавшего американских дикарей, Пушкин изображает горцев такими, какова окружающая их страшная и щедрая природа. В «Цыганах» и «Галубе» поэт развивает тот же философский и

драматический мотив. Сбежав в цыганский табор из мира культуры, Алеко думал, что может вернуться к первобытной простоте. Но между ним и цыганами (природою) - бездна. Избавившись от внешних форм культуры, внутренне он остался в ней. Поэтому Алеко не может понять старого цыгана и Земфиру. Он на любовь смотрит как на закон, который называет честью и верностью, как на брак. Для цыган же любовь — прихоть сердца, не подчиненная никаким законам, как вдохновение дикой песни. Тазит — такой же, как и цыган, вечный бродяга, питомец дикой воли, чуждый культурным понятиям о справедливости. Свою всепрощающую мудрость он черпает в мирном созерцании природы [Там же, с. 115].

И в «Евгении Онегине» Д. С. Мережковский видит развитие той же философской темы: Онегин — из ложного мира культуры, навеянной западом. Татьяна — «вся из русской земли, из русской природы, загадочная, тёмная и глубокая, как русская сказка» [Там же, с. 119].

Таким образом, утверждает Мережковский, Пушкин очертил горизонт русской литературы, и все последующие писатели двигались и развивались в пределах этого горизонта, вплоть до Льва Толстого, вся жизнь и всё творчество которого «последовательные ступени в развитии и воплощении того, что угадано Пушкиным» [Там же, с. 123].

Столетний юбилей Пушкина, который в 1899 году отмечала Россия, вызвал всплеск усиленного внимания к наследию поэта и, как следствие, переосмысление его творчества. Вслед за Д. Мережковским многие символисты стали видеть в Пушкине не только его служение светлomu, разумному и доброму, но и другие начала. Так, Н. Минский в статье «Заветы Пушкина» (1899 г.) утверждает, что основное в творчестве поэта — это «красота», постигаемая иррациональным путём, равнодушная к добру и злу. «Красота» и гармоническая ясность Пушкина скрывают под собой «бездну», голос стихии, влекущий человека, вопреки «голосу рассудка», к гибели [6, с. 25].

Эта линия восприятия Пушкина продолжает развиваться и дальше. Андрей Белый в статье «Апокалипсис в русской поэзии» (1905 г.) обращает внимание на то, что в творчестве Пушкина «бессознательно указаны глубокие корни русской души, простирающиеся до мирового хаоса» [1, с. 441]. Символизм же должен углубить и развить пушкинское наследие. В этом контексте вполне логично звучат задачи, которые ставит перед символистами Вяч. Иванов: увидеть ценность в прикосновениях к «тёмным корням бытия», почувствовать плодотворность «первого ещё тёмного и глухонемого осознания сверхличной и сверхчувственной связи сущего» [3, с. 201], остатки которого ещё сохранились в примитивных культурах и в фольклоре.

Отстаивает право прочитать Пушкина собственными глазами и в свете своего опыта определить смысл и ценность его поэзии и М. Гершензон. В работе «Мудрость Пушкина» (1917 г.) он пытается выявить из поэтических образов русского поэта его «имманентную философию». Там, заявляет Гершензон, где Пушкин прямо высказывал свои мысли, узнаётся просвещённый, рационально-мыслящий ум, в поэтических же образах — «тяжёлая мудрость тысячелетий», древняя языческая правда [2, с. 213]. Внимательному читателю стихи раскрывают опасные убеждения, которых никогда поэт «не дерзнул бы высказать в прозе; кому же охота прослыть сумасшедшим или дикарём!» [Там же, с. 222]. Дело в том, говорит Гершензон, аргументируя выдержками из произведений, что поэзия Пушкина несёт затаённую вражду к культуре. Поэт различает «два вида сознания: ущербный, дискурсивный разум, который, ползая во прахе, осторожно расчленяет, и мерит, и определяет законы, — и разум полноты, т.е. непосредственное интуитивное постижение. <...> Вот почему Пушкин, страшно сказать, ненавидит просвещение и науку. Для Пушкина просвещение — смертельный яд, потому что оно дисциплинирует стихию в человеческом духе, ставя её с помощью законов под контроль разума, тогда как в его глазах именно свобода этой стихии, ничем не стеснённая, есть высшее благо» [Там же, с. 223].

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. возникает новое видение творческого наследия А. С. Пушкина. Оно характеризуется пересмотром онтологических основ картины мира поэта, попытками обнажить в его ментальности архаический уровень и на этой основе противопоставить как устоявшимся эстетическим идеалам, так и культуре в целом. С одной стороны, всё это свидетельствует о непоколебимом авторитете Пушкина, о потребности связать его творчество с задачами современного искусства и современной философии, с другой — о глубинных трансформационных процессах, происходящих в художественном сознании эпохи. Одним из векторов развития нового искусства становится примитивизация как осознанная творческая позиция, суть которой заключается в стремлении приблизиться к уровню сознания, находящемуся на более низкой ступени развития (в возрастном (детство), культурно-образовательном или культурно-историческом оттошении). Начинать же это нисхождение русская культура не хотела без пушкинского благословения.

Список литературы

1. **Белый А.** Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. 527 с.
2. **Гершензон М. О.** Мудрость Пушкина [Электронный ресурс] // Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 207-243. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/pfk/pfk-207-.htm> (дата обращения: 11.07.2011).
3. **Иванов В. И.** По звездам. Борозды и межи / вступ. статья, сост. и примеч. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2007. 1137 с.
4. **Иванов В., Гершензон М.** Переписка из двух углов // Иванов В. Родное и вселенское / сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачева. М.: Республика, 1994. С. 113-137.
5. **Мережковский Д. С.** Пушкин [Электронный ресурс] // Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 92-160. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/pfk/pfk-092-.htm> (дата обращения: 11.07.2011).
6. **Минский Н.** Заветы Пушкина // Мир искусства. 1899. № 13-14. С. 23-25.

A. S. PUSHKIN: AT THE ORIGINS OF DELIVERANCE FROM CULTURE

Natal'ya Fagimovna Fedotova, Ph. D. in Philology
Department of Philology and Communications Theory
Kazan' (Volga Region) Federal University (Branch) in Naberezhnye Chelny
fnf1@yandex.ru

The author suggests considering the Russian literature of the XIXth century as one of the sources of primitivism, which found its diverse reflection in the cultural consciousness of the Silver Age, and finds the basis for such a view by analyzing the interpretation of A. S. Pushkin's heritage conducted by poets and thinkers at the turn of the XIXth-XXth centuries and his role in the dissemination of anti-cultural attitudes.

Key words and phrases: art of the turn of the XIXth-XXth centuries; revaluation of the Russian literature of the XIXth century; primitivism; genetics of primitivism; transformation of artistic consciousness.

УДК 81'243:378.09

Педагогические науки

В статье рассматриваются основные цели, принципы и проблемы обучения магистрантов иностранному языку в контексте модернизации высшей профессиональной школы. Особое внимание уделяется развитию научно-исследовательской деятельности магистрантов. Анализируются преимущества модульной организации курса преподавания иностранных языков в магистратуре. Представленные в статье теоретические положения подкрепляются данными, полученными в результате проведенных автором исследований.

Ключевые слова и фразы: магистерская подготовка; научно-исследовательская деятельность; иностранный язык; методические принципы; модульная организация.

Светлана Павловна Фирсова, к. пед. н., доцент
Кафедра иностранных языков
Марийский государственный технический университет
firsova@fromru.com

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРАНТОВ
В ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ©**

Процесс модернизации высшего профессионального образования непосредственно связан с поиском новых форм обучения, обновлением подходов к фундаментальной, теоретической и профессиональной подготовке будущих специалистов, а также обеспечением личностного развития каждого студента. Введение многоуровневой системы образования инициировало перестройку учебного процесса, а также его содержательного и методического обеспечения. Так, многоуровневая структура предполагает повышение роли фундаментального образования на этапе бакалавриата и актуализацию самостоятельной и исследовательской деятельности магистрантов.

Одна из основных целей магистерской подготовки – способствовать становлению и развитию молодого исследователя, обладающего необходимыми компетенциями для решения как научных задач в конкретном профессиональном направлении, так и ситуаций, связанных с творчеством, саморазвитием и самопознанием. При этом в качестве приоритетных задач могут быть обозначены следующие:

- обеспечение преемственности обучения студентов различных уровней;
- повышение мотивации магистрантов к изучению иностранных языков в целях профессиональной коммуникации;
- актуализация самостоятельной деятельности магистрантов.

Следовательно, процесс обучения в магистратуре должен быть направлен на овладение магистрантами современными методами разработки научной проблематики, поиска и обработки информации, трансляции полученных знаний и обмена ими в научном сообществе, а также на проявление субъектности магистранта в процессе коммуникации, характеризующейся его активной, самостоятельной, личностной позицией.

В рамках компетентного подхода выделяют профессионально-исследовательскую компетентность как ведущий показатель образования магистранта. Она отражает следующие умения: адаптироваться в условиях профессиональной деятельности; лично и профессионально самореализовываться; строить межличностные, деловые, профессиональные, социальные связи и отношения; продолжать свое образование (основное и дополнительное) на основе использования оригинальных источников профессиональной информации, в том числе на иностранных языках, сведений, овладевая научными понятиями, теориями, концепциями и парадигмами из различных областей знания и профессиональной культуры, универсальными способами практической и теоретической образовательной и исследовательской деятельности [1; 3].

В качестве основных принципов создания программ магистерской подготовки и отбора содержания учебных дисциплин выступают их согласованность с программами бакалавриата, обеспечение вариативности,